

В. Ф. ГЕНИНГ

(Свердловск)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА УРАЛА

Железный век Урала относится к числу слабо разработанных периодов его истории. Между тем едва ли можно переоценить значение данной эпохи, представлявшей узловой этап в этногенезе многих уральских народностей как ныне населяющих эту область, так и покинувших ее в силу тех или иных исторических обстоятельств.

Железный век Урала — это период окончательного разложения первобытнообщинного строя и зарождения новых общественных отношений классового общества. И если общие закономерности этого перехода достаточно ясны, то выяснение его конкретных, специфических особенностей на территории Урала требует еще много усилий.

Дореволюционные исследователи железного века Урала по существу ограничивались сбором случайных вещей и небольшими раскопками, которые не могли разрешить кардинальных проблем общественно-экономического и этнического порядка.

Довольно крупные коллекции вещей эпохи железа, накопленные главным образом в знаменитой коллекции Теплоуховых, позволили А. А. Спицыну уже в самом начале XX века дать первую классификацию древностей Прикамья (Спицын, 1902). Немало материалов было собрано по сарматской культуре Южного Урала (Ростовцев, 1918) и значительно хуже в дореволюционной литературе представлены зауральские древности.

Систематическое исследование археологических памятников и использование их в качестве материалов для разработки истории древнего уральского населения является целиком заслугой советских археологов. Однако в объеме данной статьи нет возможности дать обзор всех работ, которые проведены советскими археологами по изучению железного века Урала.

Знаменательной вехой в развитии уральской археологии было I Уральское Археологическое совещание в г. Перми (1947 г.), когда были подведены итоги исследования довоенных лет и намечены основные задачи на будущее. Начиная с этого времени, по изучению железного века Урала была проделана огромная работа, масштабы которой намного превосходят все прежние исследования. Отрадно отметить, что в этой работе ведущее место заняли местные научные учреждения и, в первую очередь, университеты Перми и Свердловска.

Обширная литература по археологии Урала содержит немало публикаций и по эпохе железа. Среди них заслуживают особого внимания монографические исследования А. В. Збруевой по аваньинской эпохе в Прикамье (1952), А. П. Смирнова — по памятникам железного века Прикамья (1952), В. Н. Чернецова — по систематизации материалов Нижнего Приобья, края, выглядевшего ранее весьма пустынным на археологической карте (1953, 1953 а, 1957). Нельзя не отметить большую работу, сделанную М. В. Талицким для сбора по крупницам многочисленных сведений об археологических памятниках Урала, обобщенных И. А. Талицкой (1952, 1953). Аналогичная работа для Среднего Зауралья сделана Е. М. Берс (1951).

Но еще большее количество вновь собранного материала ждет публикации. И эту работу, безусловно, следует форсировать.

Особенно большие исследования по изучению памятников железного века во всем его объеме проведены в Прикамье, что позволило создать здесь стройную картину исторического развития древнего населения (Бадер, 1953 в; Бадер и Оборин, 1958; Генинг, 1958, 1959).

Однако при всех успехах, которые достигнуты в изучении железного века Урала, имеется еще много темных мест, особенно заметных в Зауралье и прилегающих областях Сибири. Единичные памятники, изученные здесь, не дают достаточно ясного представления об истории местного населения. В данных районах еще предстоит провести огромную работу по учету, полевым исследованиям и систематизации археологических памятников железного века.

Одной из центральных проблем при изучении археологического материала является вопрос о периодизации и тесно связанный с ним вопрос о выделении археологических культур. Здесь не достигнуто еще единства мнений. Термин «археологическая культура» употребляется слишком универсально. Не останавливаясь подробно на данной проблеме, уже много раз поднимавшейся в нашей литературе, укажем, что нам кажется совершенно необходимым введение следующих различных по объему и значимости терминов.

«Культурная область» — определенная общность в материальной культуре большой группы населения, обусловленная развитием в сходных естественно-географических условиях одних и тех же форм хозяйства и общественной организации. Понятие «культурная область» должно включать обширные области, занятые группами родственных по происхождению племен. Наконец, термин «археологическая культура» должен употребляться для обозначения определенной ступени общественно-экономического развития группы близкородственных племен, связанных постоянным общением между собой. В этом плане указанные термины и будут употребляться ниже.

Историю уральского населения I тысячелетия до н. э., I и начала II тысячелетия н. э. лучше всего рассматривать по трем эта-

пам: ранний (VII в. до н. э. — III в. н. э.), средний (III—IX вв.) и поздний (IX—XV вв.) периоды железного века.

Урал представляет собой обширную область, протяженностью в меридиональном направлении около двух тысяч километров.

На севере эта область примыкает к Ледовитому океану, а на юге — к зоне полупустынь. Различные естественно-географические условия в отдельных районах Урала наложили, совершенно естественно, свой отпечаток на культуру обитавшего здесь населения.

Поэтому рассмотрение отдельных древних культур следует вести особо в пределах каждой из географических зон.

Ранний период железного века Урала охватывает почти тысячелетие от VII в. до н. э. до III в. н. э. Знакомство уральского населения с железом, внесшим переворот во весь облик материальной культуры, совпадает по времени с другими областями нашего Союза.

Южный Урал в пределах степной зоны был занят сарматскими племенами, входившими в обширную культурную область степного кочевнического мира. Граница сарматской культурной общности на север не выходит за пределы степей по линии Куйбышев — Бутуруслан — Ишимбай, затем довольно значительно отступая к югу до р. Урал, огибает хребет и вновь поднимается к северу до широты г. Магнитогорска. Восточные пределы сарматского расселения выявлены плохо и ориентировочно их доводят до рр. Тобол и Иртыш.

Благодаря усилиям многих советских археологов и в первую очередь Б. Н. Гракова (1947), К. Ф. Смирнова (1954) и И. В. Силицына (1947 и др.), в настоящее время создана четырехчленная хронологическая классификация памятников сарматской культурной общности волжско-уральских степей, вполне применимая также для Северного Причерноморья.

Ранний, савроматский этап (VI—IV в. до н. э.) отражает ту эпоху, когда уже сложилось кочевническое хозяйство степных племен и завершился процесс образования сарматского населения на основе взаимной инфильтрации племен срубной и андроновской культур эпохи поздней бронзы (Смирнов, 1957). Андроновские черты в культуре приуральских сарматов прослеживаются довольно отчетливо в погребальном обряде (западная ориентировка костяков, обкладка курганов камнями, кольцами из каменных плит, сооружение кромехов и каменных куч над могилами). Данные антропологии также подтверждают, что в Южном Приуралье сохранился в большей степени древний андроновский тип населения.

На Южном Урале до последнего времени были исследованы погребения савроматского этапа в районе Оренбурга и Магнитогорска в 32 пунктах (Нефедов, 1899; Ростовцев, 1918; Граков, 1947; Кипарисова и Сальников, 1958; К. Смирнов, 1957, рис. 1.).

Наиболее ярко сарматская культура в Южном Приуралье представлена на раннесарматском (прохоровском) этапе (IV—II вв. до н. э.). Это начало «истории отдельных сарматских племен» (К. Ф.

Смирнов, 1950, стр. 98), а точнее, отдельных союзов племен обширного сарматского мира.

К этому периоду на Урале относится немного более двух десятков погребений в районе Магнитогорска (Сальников, 1950, 1951) и Оренбурга (Ростовцев, 1918; Граков, 1918; Сальников, 1940 а).

Прохоровскую культуру Южного Урала К. Ф. Смирнов склонен рассматривать как культуру формирующегося союза племен под руководством аорсов (К. Ф. Смирнов, 1954, стр. 201), в состав которого наряду с местными племенами вошли значительные группы населения среднеазиатского происхождения (саки, усунь), что подтверждается появлением новых типов погребальных сооружений (катакомбы) и керамики (К. Ф. Смирнов, 1950, стр. 102—103), а также нового памиро-ферганского антропологического типа, характерного для ряда областей Средней Азии (К. Ф. Смирнов, 1954, стр. 200).

Наряду со среднеазиатскими элементами в формировании прохоровской культуры Приуралья участвуют, по мнению ряда исследователей, и сибирские племена. Однако данный вопрос остается совершенно неразработанным из-за отсутствия археологических материалов из районов, граничащих с сарматским миром на востоке в пределах средней части Западной Сибири и Северного Казахстана.

Заслуживает внимания вопрос о происхождении в сарматском погребальном обряде могил с заплечиками. Рассматривать их лишь как разновидность узких прямоугольных или овальных ям (Абрамова, 1959, стр. 55) едва ли правильно. Могилы с заплечиками появляются в прохоровской культуре Южного Урала, а позднее встречаются у поволжских сарматов. Могилы с заплечиками, правда, несколько меньшего размера, являются весьма типичными для болгар, периода их появления на Волге в VII—IX вв. (Б-Тарханский могильник), а также для группы населения III—V вв. на р. Белой (Кушнаренковский могильник), имеющего, безусловно, сибирское происхождение.

Вторая половина истории сарматов на Южном Урале представлена весьма бедно. Отчасти это объясняется, по мнению ряда исследователей, отливом значительной части населения на запад в Саратовское Заволжье, которое становится основным центром всей сарматской общности. Но не подлежит сомнению, что бедность материалов этой эпохи обусловлена малочисленностью исследованных памятников. Среднесарматский этап (I в. до н. э. — II в. н. э.) представлен пока всего 15 раскопанными погребениями в четырех пунктах (Рыков, 1926; К. Ф. Смирнов, 1948; Сальников, 1951), а позднесарматский этап (II—IV в. н. э.) в трех пунктах 16 погребениями (Рыков, 1926; К. Ф. Смирнов, 1948; Сальников, 1940, 1950).

Исследование памятников поздних периодов сарматской истории может осветить многие еще неясные вопросы, в частности, проблему проникновения гуннов в сарматскую среду. В Поволжье удалось уже выделить группу погребений раннесарматского времени в дощатых гробах, аналогичных гуннским (Сидицын, 1947).

Но едва ли допустимо, что проникновение гуннов в Поволжье шло в обход южноуральских степей. Скорее всего именно здесь накануне нашествия на Европу формировался кочевнический союз гуннов, впитавший немало местного населения.

В зоне лесостепи, проходившей неширокой полосой в 150—300 км вдоль северных границ степей, памятники раннего железного века изучены гораздо хуже, чем на юге.

Как известно, в западноуральской археологии после исследований А. В. Шмидта в 1928 г. на городище Кара-Абыз близ г. Уфы появилась проблема кара-абызской культуры. В дальнейшем были подвергнуты раскопкам курганы у пос. Кишки на р. Белой (Дмитриев и Сальников, 1941), а затем поселения в Гафурийском районе (Юсупов, 1959). Некоторые исследователи безоговорочно относят курганы Кишки к сарматской культуре (Смирнов, 1957, стр. 25), другие рассматривают поселения вне связи с сарматами (Юсупов, 1959). Однако курганы и поселения относятся к одному времени и расположены на одной территории, где имеется еще немало городищ и курганов вплоть до границы лесостепи у г. Ишимбая (Талицкая, 1952, до № 571).

Материалы гафурийских городищ весьма разнообразны. В керамике можно выделить не менее трех-четырех совершенно различных типов по технике изготовления и форме. Однако исследователем этих городищ не проведена четкая классификация керамики, не прослежено достаточно четкое стратиграфическое распределение отдельных типов.

Рассматривая лишь примеси к глиняному тесту, керамику можно разделить на четыре типа:

Памятники	Примеси к глиняному тесту			
	Галька и камешки	Песок	Толченые раковины	Тальк
Селище Курман-Тау	83 %	+	16,7 %	+
Касьяновское городище	81 %	+	17 %	+
Курмантаевское городище	—	50 %	30 %	20 %
Воскресенское городище	1,5 %	47,5 %	43,5 %	6 %
Табынское городище	—	20 %	70 %	10 %
Михайловское городище	—	20 %	4 %	2 %
		74 %		

Судя по тому, что в памятниках, где не обнаружены медные наконечники стрел скифского типа (Воскресенское, Табынское и Михайловское городища), преобладает керамика с примесями толченых раковин в тесте, допустимо считать этот тип наиболее поздним, относящимся не только к раннему этапу (VII—III в. до н. э.), но и последующему времени (III в. до н. э. — II в. н. э.). Об этом же свидетельствует преобладание в данных комплексах орнаментации в виде пояса редких ямок, что весьма характерно для пьяноборской культуры. Однако среди керамики с примесями толченых раковин в тесте, безусловно, имеются и ананьинские сосуды с воротничком и шнуровым орнаментом.

Чрезвычайно интересен тип керамики с утолщенной шейкой и орнаментом в виде рифления, заштрихованных треугольников, лесенок, пояска вертикальных линий. Исследователем отмечается, что часть этих сосудов содержит примеси гальки в тесте (Юсупов, 1959, стр. 71, 82). По некоторым деталям орнамента керамика такого типа может иметь абашевское происхождение, что представляет значительный интерес в решении проблемы перехода абашевского населения эпохи бронзы на новый этап развития в эпоху железа.

Совершенно неясно происхождение сосудов с примесями гальки и мелких камешков в тесте, хотя эти сосуды и составляют основную массу керамики на наиболее ранних памятниках (селище Курман-Тау, Касьяновское и Курмантаевское городища).

В орнаментации керамики гафурийских городищ имеются также резные, елочные и зигзаговые узоры, отпечатки гребенчатого штампа. По форме большинство сосудов представляют тип круглодонных чаш, но на некоторых памятниках указываются и плоскодонные сосуды, к сожалению, без дальнейших уточнений (Юсупов, 1959, стр. 80).

Гафуровские памятники представляют собой многослойные поселения, относящиеся ко всему периоду раннего железного века — VII в. до н. э. — III в. н. э. Пока их материалы не приведены в надлежащий порядок, рано говорить о какой-то «уфимской культуре» (Юсупов, 1959, стр. 87).

Приведенные факты свидетельствуют о весьма сложном составе населения лесостепной полосы Западного Урала. Бельские племена, будучи ближайшими соседями сарматов, безусловно, испытали сильнейшее влияние их передовой культуры, но по своему образу жизни они отличались от сарматов. Основой их хозяйства являлось оседлое скотоводство, о чем говорят многочисленные городища с находками костей домашних животных в их культурных слоях.

Маловероятно также, что памятники бельских племен следует отнести к ананьинской культурной общности. Ни на одном из этих памятников ананьинская керамика, которую мы достаточно хорошо знаем по другим районам, в том числе и по нижнему течению р. Белой, не выступает в качестве доминирующей. Здесь может идти речь лишь о сильном влиянии, а порой, возможно, и проникновении в местную среду отдельных групп населения ананьинского происхождения.

Своеобразное положение, которое занимали бельские племена между двумя крупными культурными массивами сарматов и ананьинцев, наглядно иллюстрируется курганами Кишки. Курганный обряд захоронения, безусловно, явился результатом сарматского влияния, а круглодонная керамика с примесями толченых раковин в тесте — прямой результат воздействия северных соседей.

Однако все эти соображения являются пока только рабочей гипотезой. Проблема кара-абызской культуры по-прежнему остается нерешенной и требует накопления новых материалов.

В лесостепном Зауралье в среднем течении р. Tobol ранний

железный век представлен такими памятниками, как городище Чудаки и многочисленными, к сожалению, слабо исследованными курганами (Сальников, 1952 а, стр. 104 и сл.). Многолетние раскопки, проведенные на городище Чудаки, дали достаточно полное представление об этом оригинальном памятнике (Сальников, 1942, 1947, 1951). К сожалению, это поселение осталось единственным из исследованных, не получившим достаточно широкого подкрепления материалом других памятников. В погребальном обряде лесостепной полосы Зауралья отмечается как трупоположение, так и трупосожжение на горизонте и в простых грунтовых ямах, перекрытых курганными насыпями. Встречается южная и северная ориентировка погребенных. Курганы этого типа разбросаны на значительном пространстве от Челябинска до Тюмени. Как для поселений, так и для курганов характерна керамика с шаровидным туловом и высокой прямой шейкой. В глине всегда встречаются примеси талька. Орнамент состоит преимущественно из резных елочек, косых насечек, реже защипов и ромбической сетки, изредка встречаются гребенчатые узоры.

Культура городища Чудаки, восходящая к эпохе раннего железа, рассматривается К. В. Сальниковым как дальнейшее развитие челябинского варианта андроновской культуры эпохи бронзы.

Некоторые исследователи включают зауральские памятники в круг сарматской культурной общности, выделяя их в особую челябинскую группу (К. Ф. Смирнов, 1950, стр. 100). Однако с этим нельзя согласиться, так как перед нами племена, которые «отличались оседлым бытом и бесспорным знакомством с земледелием» (Сальников, 1952 а, рис. 104). Скотоводство у них, хотя и занимало ведущее место, но было пастушеским, а не кочевым, как у сарматов. Восточные пределы распространения культуры типа городища Чудаки остаются пока невыясненными, в связи с чем предстоит изучить многочисленные курганы по среднему течению р. Ишим (Талицкая, 1953, №№ 686—725).

В среднем течении Иртыша и по р. Омь исследованные памятники раннего железного века немногочисленны. К этой эпохе может быть отнесен нижний горизонт городища Большой Лог у г. Омска, характеризующийся резной орнаментацией и плоскодонной формой сосудов (Чернецов и Мошинская, 1951). К этому же времени должна быть отнесена часть погребений из Усть-Тартаских курганов, содержавших как крутлодонную, так и плоскодонную керамику (ОАК за 1895 г., стр. 41). На Калмаковском городище, исследованном В. П. Левашовой в 1927 г., была обнаружена грубая толстостенная керамика с примесями шамота в глиняном тесте. Орнаментирована она преимущественно узорами из резных елочек и зигзагов, а у некоторой части сосудов поверх этих узоров нанесены ямочные наколы. Встречаются также сосуды, украшенные только ямочными наколами. Последний прием особенно широко распространен в орнаментации керамики из городища на пятой речке Тарского округа (материалы Омского музея).

С культурой Калмаковского городища сближается материал городища Битые горки, где вскрыто два погребения, относящиеся,

если судить по находкам костяных наконечников стрел в виде трехгранной пирамидки, к первым векам н. э.

Калмаковское городище по типу укреплений в виде полукруглого вала ломаной линией (Левашова, 1928, стр. 158) очень сходно с такими же укреплениями на некоторых городищах лесостепного Зауралья (Сальников, 1952 а, рис. 37).

К рубежу нашей эры следует отнести погребения Саргатских курганов, в которых найдены железные наконечники стрел сарматского типа. В этих погребениях были обнаружены также сосуды с туловом яйцевидной формы и прямой шейкой, орнаментированные преимущественно резными узорами, хотя на некоторых сосудах встречаются беспорядочно расположенные ямочные вдавления.

Эти скудные материалы обрисовывают еще одну среднеиртышскую культурную общность лесостепной полосы Западной Сибири раннего железного века.

Южная половина лесной зоны в Западном Приуралье представлена в раннем железном веке культурами типа ананьинской — на первом этапе и пьяноборской, осинской и гляденовской — на позднем.

Обширные исследования, проведенные в свое время А. В. Збруевой и изложенные в монографии по ананьинской культуре (1952), сделали этот период одним из наиболее изученных в уральской археологии. В послевоенные годы сведения об ананьинской эпохе пополнились материалами новых раскопок памятников на р. Вятке: городищ Ройский Шихан (Архипов, 1958), Аргыжское и Буйское (Генинг, 1958) и на р. Каме — городищ Каменный лог, Ныргинда IV и Гремячинского селища. Кроме того, было открыто много новых памятников в среднем и нижнем течении р. Камы (Оборин, 1960; Генинг, 1958). Накопленные материалы позволили конкретизировать своеобразие керамики локальных групп ананьинской общности и создать стратиграфическую шкалу развития ананьинской керамики. Только учитывая эти новые данные и выделяя ранние комплексы ананьинских памятников, можно теперь рассматривать проблему происхождения ананьинской культуры. Не затрагивая здесь этот чрезвычайно сложный вопрос, отметим только, что нельзя подходить к сложению ананьинской культуры односторонне, выводя ее из одного какого-либо района, будь то Верхнее, Среднее и Нижнее Прикамье или бассейн р. Белой. В каждом из этих районов были свои слагающие компоненты, которые и следует в первую очередь выявить. Очень важно также установить, какие факторы сыграли решающую роль в общей нивелировке культуры различных групп населения Прикамья в эпоху раннего железа.

Послеананьинская культурная общность в свете результатов многочисленных исследований последних лет предстает в совершенно новом плане. Достаточно четко обрисованы территории трех групп памятников, выделяемых в самостоятельные культуры: пьяноборскую у устья р. Белой, осинскую — в бассейне р. Тулвы и гляденовскую — у устья р. Чусовой. Эти культуры, хотя и име-

ют много общего, но хорошо различаются по керамике, некоторым приемам строительной техники, украшениям и погребальному обряду (Генинг, 1959, 1959 а, 1959 г.).

Все три культуры представляют собой новую ступень в развитии культуры населения предшествовавшего ананьинского периода.

В Зауралье юг лесной зоны — Нижнее Прииртышье входило в обширную потчевашскую область, выделение которой, однако, в том плане, как это сделано В. И. Мошинской, можно пока считать лишь предварительным (1953). Здесь следует еще значительно пополнить материалы новыми исследованиями, уточнить хронологию и характеристики основных комплексов, в частности, керамики.

Сосуды потчевашского типа имеют чашевидную форму, нередко с шейками воротничкового типа. В большинстве случаев они характеризуются гребенчато-шнуровой орнаментацией в сочетании с фигурным решетчатым штампом (ромбики, квадраты и треугольники) и ямками у перехода от шейки к тулову.

И, наконец, по южной кромке леса и севера лесостепи в предгорной части Свердловского Зауралья выявлена еще одна небольшая группа чрезвычайно интересных памятников эпохи раннего железа.

Для керамики данного района характерна обильная примесь в глине толченого талька. По форме и орнаментации четко выделяются два типа. Один представлен реповидными сосудами с короткой отогнутой шейкой и иногда слегка уплощенным дном. Верхняя половина сосудов покрыта густым орнаментом из фигурного штампа (крестики, вертикальная змейка и палочка), ряд ямок у перехода от шейки к тулову (Берс, 1960). Второй тип составляют вытянутые сосуды с короткой прямой шейкой, орнаментованные по верхней половине узорами из заштрихованных треугольников и квадратов, нанесенных мелким гребенчатым штампом (по Сальникову — иткульский тип, по Берс — исетский).

Происхождение первого типа ясно, это дальнейшее развитие своеобразной, так называемой, гамаюнской культуры эпохи бронзы (Берс, 1960). Второй тип не находит пока близких аналогий в местных материалах. Еще недостаточно четко определена хронология обеих групп керамики и их взаимосвязь. Вся группа памятников эпохи раннего железа Свердловского Зауралья резко отличается от окружающих ее массивов и принадлежит, по всей вероятности, какому-то иному этносу, неуральского происхождения.

Северная половина лесной зоны в Западном Приуралье изучена очень слабо (А. П. Смирнов, 1928; Буров, 1960, 1960 а).

В Зауралье к интересующему нас времени относятся зеленогорская и усть-полуйская культуры Нижнего Приобья, характеризующиеся керамикой чашевидных форм, нередко с воротничковыми шейками, орнаментированные гребенчатыми и различными фигурными штампами (крестики, уголки, уточки, змейки), а также глубокими ямками по нижнему краю шейки сосудов. Нередко здесь также присутствует шнур. В усть-полуйских комплексах ча-

сто встречаются сосуды с поддонами (Чернецов, 1953; Мошинская, 1953). В. Н. Чернецов считает характерной чертой усть-полуйской, а также более южной, потчевашской, культуры двухкомпанетность, в которой видит отражение процесса ассимиляции древних таежных охотников и рыболовов зеленогорской культуры, принадлежавшей древнему палеоазиатскому населению, угорскими племенами, обитавшими ранее в степных и лесостепных районах к югу от западносибирской тайги (Чернецов, 1953 а, стр. 237—238).

Начало этого процесса, по В. Н. Чернецову, относится к середине I тысячелетия до н. э. Однако в связи с такой постановкой проблемы возникает вопрос о причинах движения угров к северу, тем более, что по мнению В. Н. Чернецова, около начала I тысячелетия до н. э. древнеугорские племена переходят от пастушеского скотоводства к кочевому коневодству (Чернецов, 1953 а, стр. 238). Движение кочевников к северу в таежные леса едва ли исторически оправдано.

Северная окраина Урала в зоне лесотундры была занята культурой приморских охотников и рыболовов, находившихся под большим влиянием более южных племен. Но приморские племена имеют и немало своеобразия в культуре, в частности для них характерно сохранение древних приемов украшения посуды гребенчатымочными узорами (Чернов, 1948, 1951).

★ ★ ★

В работах уральских археологов послевоенного времени немало внимания было обращено на разрешение вопросов общественно-экономического развития населения эпохи раннего железа.

На юге в полосе степей дальнейшее развитие производительных сил, и прежде всего увеличение поголовья скота, привело к переходу от пастушеского скотоводства к кочевому, с преобладанием в стаде лошадей. Кочевниками-коневодами были сарматы и их соседи, обитавшие на юге Западной Сибири и Северного Казахстана.

Некоторые исследователи предполагают, что у сарматов в какой-то мере сохранилось земледелие. Но материалы для такого заключения (находки зерен злаков в единичных погребениях) явно недостаточны. Между тем отсутствие следов хотя бы кратковременных поселений и орудий, связанных с земледелием, свидетельствует против этого предположения. В то же время кочевой характер сарматского хозяйства подтверждается постоянными находками в погребениях остатков повозок, костей барана и лошади, конской сбруи, а также деревянной посуды, удобной при передвижениях.

Железные изделия имеют у кочевников широкое распространение и полностью вытесняют бронзовые, в первую очередь оружие. Но следов местного металлургического производства в Приуральских районах сарматского расселения пока не обнаружено. Здесь еще предстоят дальнейшие поиски. Своеобразие всего комплекса сарматских вещей говорит за их местное производство. Однако не следует забывать о том, что кочевое скотоводство да-

вало значительный излишек продуктов, который мог использоваться для обмена на необходимые товары.

Значительно сложнее вопрос о сарматском обществе.

Крупным достижением советских археологов является разработка вопроса о пережитках матриархата у сарматов. На ранней савроматской стадии встречаются погребения женщин — стрелков из лука, иногда конных, а также погребения женщин с каменными переносными алтарями, по-видимому, жриц. Кроме того, богатое женское погребение в курганных группах было обычно центральным, свидетельствуя тем самым о роли матери-предка в среде рода и большой семьи (Граков, 1947; К. Ф. Смирнов, 1961).

На прохоровской стадии традиции матриархата все еще живут, а может быть, даже усиливаются. Достаточно четко прослеживается обособление больших семей с числом взрослых членов до 30 человек. Наблюдается также имущественная дифференциация больших семей.

На поздних этапах сарматской культуры традиции матриархата исчезают. Здесь уже имеется ряд случаев насильственного умерщвления женщин при захоронении мужчины. Женских захоронений с оружием нет.

В культурных общностях лесостепной полосы (кара-абызская, типа городища Чудаки, среднеиртышская и др.) скотоводство также получает свое дальнейшее развитие, но оно остается пастушеским. В составе стада домашних животных преобладают лошади и крупный рогатый скот, меньше овец и единичны верблюды (Сальников, 1947).

Наряду со скотоводством лесостепные племена были знакомы и с земледелием. Вопрос о роли земледелия и уровне его развития у лесостепных племен предстоит еще изучить. Но некоторые более поздние материалы (III—V вв. н. э.) показывают наличие таких совершенных орудий (серп, коса, ральник, жернов), которые едва ли могли появиться там, где земледелие имело подсобное, второстепенное значение в хозяйстве. Поэтому не исключено, что передовая земледельческая техника в эпоху раннего железа сложилась в лесостепной зоне.

Население лесостепи вело оседлый образ жизни. Для культур этой полосы Урала, судя по материалам городищ Чудаки и Большой Лог, характерны слабо углубленные полуземлянки прямоугольной формы площадью до 100 кв. м. Вопрос об общественной организации племен лесостепи на раннем этапе железного века еще не был предметом специального исследования, но значительные размеры жилищ и компактная планировка их по кругу, как это можно наблюдать на городище Чудаки, по-видимому, свидетельствуют о том, что в их среде уже происходил процесс формирования патриархальных больших семей внутри еще хозяйственно-единого рода.

Южная полоса лесной зоны (прикамская и нижнеиртышская общности) характеризуется комплексным хозяйством при ведущей роли мотыжного земледелия и разведении домашних животных. Говорить о развитом скотоводстве здесь не приходится. Охота и

рыбная ловля для пополнения пищевых запасов имели уже подсобное значение. Однако возрастает роль промысловой охоты с целью добычи ценной пушнины, идущей на обмен.

Наряду с изделиями из железа на раннем этапе (VII—III вв. до н. э.) еще очень много вещей из бронзы, в частности оружия (кинжалы, клевцы, наконечники стрел) и орудий труда (кельты, мотыги). В технике изготовления бронзовых изделий преобладает литье. В культурах позднего этапа (III в. до н. э.—II в. н. э.) бронзовое оружие и орудия труда заменяются железными, но уровень развития техники добычи и обработки железа остается еще низким и железо высоко ценится. Бронза и медь на этом этапе употребляются главным образом для изготовления украшений, причем появляется много новых технических приемов: комбинированное литье, вырезывание, пайка, полуда и т. д.

Для культур Западного Приуралья характерны наземные бревенчатые жилища и грунтовые могильники, для Зауралья и Приобья — курганные захоронения, и, по всей вероятности, жилища — землянки.

Обширные исследования памятников прикамской культурной общности позволили вскрыть основные пути общественного развития населения в эпоху раннего железа.

Прежде всего следует заметить, что в лесной зоне население было еще крайне малочисленным, особенно по сравнению со степями. Античные авторы сообщают, что отдельные сарматские племена составляли десятки тысяч конников. Все население, например, довольно обширной области лесной полосы Прикамья в этот период едва ли превышало пятнадцать-двадцать тысяч человек. Поэтому памятники в лесной зоне встречаются очень редко. Кроме того, специфика хозяйственного уклада лесных племен обуславливала существование сравнительно немногочисленного совместно живущего рода, в пределах максимум 50—70 человек. Это наглядно подтверждается исследованиями могильников (Луговской, Зуевский, Чеганда II).

Ранний железный век Прикамья целиком относится к эпохе родового строя, когда род выступает как единое целое в области производства и потребления.

В силу своеобразных условий развития хозяйства в период становления патриархальных отношений сохраняются многие традиции матриархата. Пока нет еще прямых данных, свидетельствующих о формировании патриархальной большой семьи уже в ананьинское время. Мы ее знаем пока лишь на следующем этапе. Об этом свидетельствуют размеры жилищ в 50—80 кв. м. Но эта патриархальная семья еще неразрывно связана с общеродовым хозяйством (Генинг, 1959).

Для периода формирования ананьинской культурной общности характерно расселение небольшими родоплеменными группами. Два-три городища обычно располагаются в наиболее удобных местах и с определенным интервалом от соседних поселений.

Однако уже в начале второй половины этого периода проявляется тенденция к созданию более крупных объединений, кото-

рая завершается возникновением в лесном Прикамье около середины III в. до н. э. трех постоянных племенных союзов: пьяноборского, осинского и гляденовского. Территории, где располагаются поселения племенных союзов в эту эпоху, крайне малы. Так, основная территория наиболее крупного пьяноборского объединения у устья р. Белой не превышала в поперечнике 100 км. Между основными территориями племенных союзов вдоль рек находились незаселенные пространства протяжением в 150—300 и более км.

Надо полагать, что подобные процессы происходили также в общественном развитии населения других областей.

В сарматской общности на прохоровском этапе (IV—II вв. до н. э.) также отмечается сложение отдельных племен, скорее всего союзов племен, причем в условиях кочевнического быта это приводило к быстрым и значительным передвижениям отдельных племен и расширению их территорий. На севере, в лесных областях, сложение союзов племен, наоборот, обусловило установление относительного спокойствия, особенно по сравнению с частыми военными столкновениями ананьинского времени.

Северная половина лесной зоны в эпоху раннего железа была занята племенами с охотничье-рыболовческим хозяйством при развитом собаководстве, способствовавшем освоению широких территорий. (Мошинская, 1953, стр. 101). Весьма яркую картину жизни этих племен и их хозяйства дает Усть-Полуйское поселение, где по-прежнему на всем протяжении эпохи раннего железа господствует бронзовая индустрия, и, кажется, единственным орудием новой эпохи является железный нож. Последний был особенно необходим при том значительном развитии обработки кости, которое имело место на севере.

Жилищами в этих районах служили довольно глубокие землянки прямоугольной формы площадью более 100 кв. м. Здесь, надо полагать, еще прочно господствовала родовая организация, но также на стадии перехода к патриархальным отношениям (Чернецов, 1953, стр. 63 и сл.).

Область уральской лесотундры занимали приморские охотники, обитавшие в землянках (Чернецов, 1953, стр. 238).

В связи с изучением памятников эпохи раннего железного века Урала необходимо остановиться и на некоторых вопросах хронологии. В последние годы проведена большая работа по установлению абсолютной и относительной хронологии отдельных памятников и комплексов, определению хронологических границ археологических культур и т. д. На наш взгляд, археологические культуры (или этапы — термин, к которому прибегают некоторые исследователи) должны отражать определенную ступень общественно-экономического развития какого-то этноса, скорее всего группы близкородственных племен, находящихся в постоянной взаимосвязи. Поэтому для выделения археологической культуры и особенно определения ее хронологических рамок требуется накопление достаточно обширных материалов, которые позволили бы дать

по возможности более полную характеристику общественно-экономического развития той или иной этнической группы.

Вполне правомерно ожидать, что основные хронологические рубежи в развитии населения контактирующих территорий должны быть весьма близки. Как выглядит хронология и периодизация уральских культур эпохи раннего железа, показывает таблица, в которую включены для сопоставления некоторые соседние области:

Века	Юж. Урал	Прикамье	Нижнее Приобье	Верхнее Приобье	Минусинск
IV III II I до I н. э. II III IV V VI VII	поздне-сарматская	азелинская и др.	карымский	одинцовский	таштык-ская
	средне-сарматская	пьяно-борская и др.	ярсалинский	березовский	
	прохоровская		усть-полуйская и подчевашская	бийский	тагар-ская
	савроматская	ананьинская	зеленогорская	больше-речинский	

Сопоставление прикамской и сарматской периодизаций показывает, что особых расхождений здесь нет. Переход от ананьинской культуры к пьяноборской и синхронным с ней культурам завершается процессом формирования союзов племен. У сарматов аналогичный процесс (переход от савроматской к прохоровской культуре) закончился на одно столетие раньше, что вполне естественно, если учесть связи кочевников с югом и более высокую степень их общественного развития.

Прикамский рубеж раннего и позднего этапов данного периода полностью совпадает также с хронологическими рамками верхнеобских культур (Грязнов, 1956). Поэтому правильное было бы, вероятно, объединить в одну культуру бийский и больше-речинский этапы.

Синхронизация азелинской и других культур Прикамья с позднесарматским этапом основывается на появлении в них одних и тех же комплексов вещей типов так называемой эпохи великого переселения. III век является также рубежом в культурах верхней Оби (начало одинцовского этапа). И резким диссонансом в этой таблице выглядят нижнеобские датировки. Таких рубежей не имеет ни одна из более или менее изученных областей.

По всей вероятности, многолетняя дискуссия по вопросу о датировках усть-полуйской и верхнеобской культур должна в конечном счете привести к уточнению датировок в той и другой области. Требуется только привлечение еще ряда новых сравнительных данных. Может быть, будет более правильным и в Нижнем При-

обье выделять лишь два основных этапа эпохи раннего железа, основным рубежом которых должно быть время III—II вв. до н. э.

Подводя итог изучению уральских памятников раннего железного века, можно прийти к заключению, что рассматриваемая эпоха была временем формирования крупных этнических общностей (типа ананьинской и савроматской), которые в дальнейшем дифференцировались в отдельные союзы племен, положивших начало формированию народностей типа аорсов, роксаланов и др. у сарматов, пьяноборской, осинской и гляденовской — в Прикамье.

Большой интерес представляет определение этнической принадлежности выделенных крупных культурных общностей (рис. 1).

Однако достаточно ясно это установлено лишь для сарматской общности, которая принадлежит ираноязычным племенам, впоследствии поглощенным в основном кочевниками-тюрками. Следует, впрочем, заметить, что процесс тюркизации сарматов, который уже имел, по-видимому, место и в раннюю эпоху, изучен еще чрезвычайно слабо.

Прикамская культурная общность связывается обычно с народами пермской языковой группы. Как будет показано ниже, на базе осинской культуры сложилась удмуртская народность, на базе гляденовской — коми-пермяцкая. Судьба пьяноборской культуры остается невыясненной после азелинского этапа.

Этническая принадлежность культурных общностей Зауралья пока недостаточно ясна. Можно согласиться с мнением В. Н. Чернецова, что в Зауралье обитали в основном два этноса — угорский и палеоазиатский, причем первый локализуется в южных областях, а второй — в северных (Чернецов, 1953 а). Судя по тому, что В. Н. Чернецов считает нижнеобскую культуру древнехантыйской, сложившейся в основных чертах около рубежа нашей эры на базе усть-полуйской, распад угорской общности относится им к более раннему времени. В эту же древнехантыйскую область он включает и потчевашскую культуру (Чернецов, 1957, стр. 298). Следует особо подчеркнуть мнение В. Н. Чернецова, что древнехантыйская культура складывалась в период мощного движения угров к северу в середине I тысячелетия до н. э.

Судя по сарматским и прикамским аналогиям в I тыс. до н. э., существуют еще единые этнические массивы и лишь к рубежу н. э. начинается дифференциация отдельных групп внутри этих этносов. Однако этот процесс проходит без значительных перемещений населения. В этом плане необходимо уточнить и процессы формирования отдельных этнических групп в Зауралье.

2

Первое тысячелетие н. э. является наиболее сложным периодом в истории населения эпохи железа, что характерно не только для Урала, но и для многих других областей. Сложность изучения данного периода обусловлена большими сдвигами в развитии производительных сил и общественной организации, что привело к резким изменениям в материальной культуре, а также крупнейшими передвижениями местных оседлых племен и даже этни-

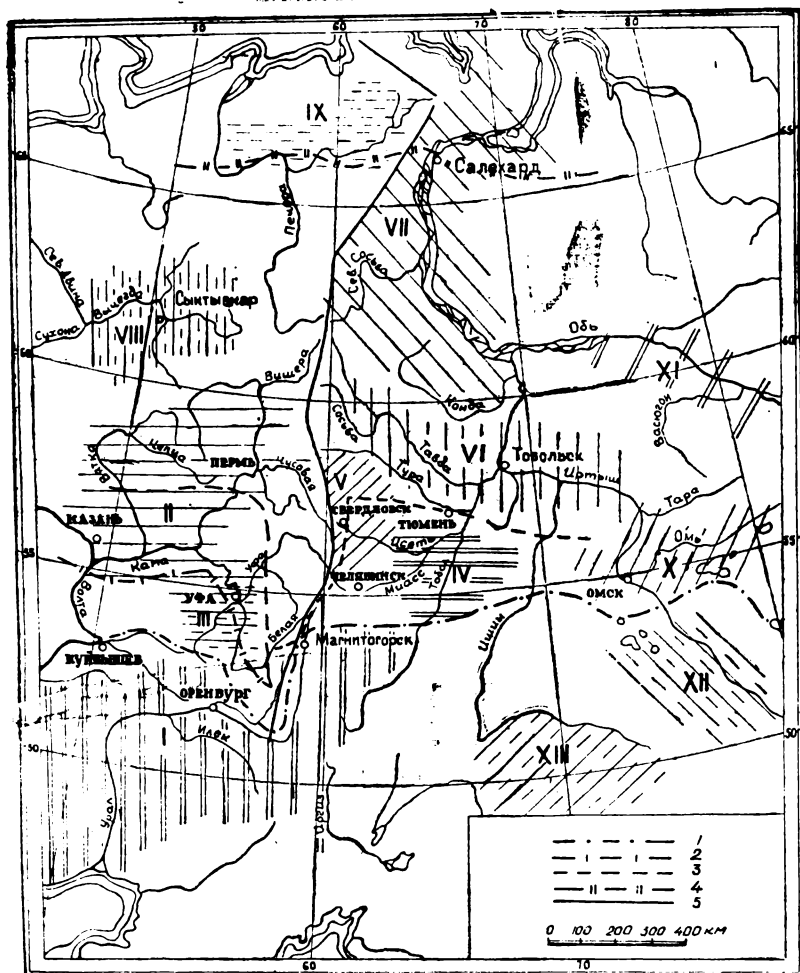

Рис. 1. Карта культурных общностей Урала эпохи раннего железного века.

Северные границы природных зон:

1— степи, 2— лесостепи, 3— смешанных лесов, 4— тайги.

5— основное направление Уральского хребта.

Культурные общности:

I— Южноуральская, II— Прикамская, III— Бельская, IV— Средне-тобольская, V— Среднеуральская, VI— Нижнеиртышская, VII— Нижне-обская, VIII— Вытегодская, IX— Приморская, X— Среднеиртышская, XI— Среднеобская, XII— Североказахстанская, XIII— Центральноказахстанская.

ческих общностей под натиском все новых и новых волн кочевников, двигавшихся из Центральной Азии.

Обе эти стороны развития древнего населения Урала до недавнего времени не были отражены ни в археологической, ни в исторической литературе. Движение кочевников рассматривалось как явление замкнутое, ограниченное только узким районом степей, без какого-либо воздействия на население окружающих областей. Благодаря обширным археологическим работам последних лет удалось получить целый ряд неопровержимых фактов, свидетельствующих об огромном влиянии, которое оказали кочевники на изменение этнической карты не только юга, но и сопредельных областей. Не во всех районах Урала эта картина вскрыта пока в полном объеме, да и в целом ряде случаев исследователи держатся еще за традиционные ультроавтохтонистские концепции, выводя одну культуру за другой иногда путем самых грубых сопоставлений, не выдерживающих критики (Мажитов, 1959, стр. 150, А. Смирнов, 1957, стр. 54).

Разумеется, это не значит, что можно объяснить все изменения в культуре за счет миграций и заимствований.

Археологические памятники первого тысячелетия достаточно хорошо изучены в Западном Приуралье и Нижнем Приобье. Остальные же районы Урала или остаются совершенно белым пятном на археологической карте, или имеются лишь наметки на существование здесь древнего населения. Особенно досадными, в силу ряда причин, на которых придется остановиться ниже, выглядят пробелы в изучении обширнейших пространств юга Западной Сибири и Северного Казахстана, областей с чрезвычайно плодородными почвами, которые не могли не привлекать древнее население.

★ ★ ★

В Западном Приуралье I тысячелетие долгое время было представлено только богатыми коллекциями украшений домоватовского типа, выделенного еще А. А. Спицыным (1902).

После работ А. В. Шмидта в научный оборот были введены памятники харинской культуры III—V вв. в Верхнем Прикамье (1927) и бахмутинской культуры V—VII вв. на р. Белой (1929). Но раскопки, проведенные А. В. Шмидтом, были невелики, так же как и число выделенных им памятников. Первое тысячелетие по-прежнему оставалось одним из наиболее темных мест истории западноуральского населения.

За последнее десятилетие проведены значительные по своему размаху исследования памятников I тысячелетия, что позволило осветить одну из интереснейших страниц истории уральского населения (Генинг, 1959; Оборин, 1960; Мажитов, 1959; Бадер и Оборин, 1958). Значение этих исследований выходит далеко за пределы истории западноуральских племен.

Не имея возможности дать полную характеристику как отдельных исследованных памятников, так и целых районов, где сложи-

лись новые археологические культуры, остановимся лишь на некоторых узловых проблемах.

Начало этой эпохи в Прикамье отмечено мощным притоком многочисленных новых групп населения, что достаточно хорошо датируется III в. н. э. (Генинг, 1959 б). Пришлые племена были гораздо многочисленнее местных, и это явилось одной из основных причин разгрома существовавших в Прикамье союзов племен. Этническая карта Прикамья коренным образом меняется в результате перегруппировки племен и освоения многих новых территорий (Генинг, 1959).

В Верхнем Прикамье, в результате смешения гляденовского населения с группой пришлых племен, сложилась ломоватовская культура. В среднем и верхнем течении р. Чепцы — Поломская (Генинг, 1958), продолжившая развитие культуры отступившей сюда группы осинских племен. В Волго-Вятском междуречье находилась территория азелинской культуры, явившейся дальнейшим развитием пьяноборской (Генинг, 1958). Во всех этих культурах достаточно четко можно проследить не только местные традиции, но и влияние пришлых групп населения.

Значительно сложнее картина, которая вырисовывается в районах к югу от Камы, тем более, что эта область исследована несколько хуже и здесь еще предстоит как обследование больших территорий, так и раскопки отдельных памятников.

Весьма предварительно и ориентировочно в Южном Прикамье в настоящее время можно наметить следующие своеобразные в археологическом отношении территории (назовем их пока очень условно локальными группами).

1. Среднекамская в среднем течении р. Камы от Осы до Елово (Оборин, 1960, стр. 46; Генинг, 1959, 1959 в).

2. Мазунинская по р. Каме от пристани Сайгатки до устья р. Иж (Генинг, 1958).

3. Бахмутинская в бассейне р. Уфы и, возможно, до правобережья нижнего течения р. Белой (Шмидт, 1929; Генинг, 1959; Мажитов, 1959, 1959 б).

4. Тураевская на Каме от устья р. Иж до устья р. Вятки (Збруева, 1953. Напи раскопки на Тураевском могильнике в 1960 г.).

5. Именьевская по нижнему течению р. Камы и прилегающих районов Волги (Калинин и Халиков, 1954 а; Генинг, 1960).

6. Кушнаренковская по среднему течению р. Белой, включая район г. Уфы (напи раскопки 1959 г., Мажитов, 1959).

7. Салиховская по южному участку течения р. Белой (Сальников, 1958).

Памятники каждого из этих районов имеют своеобразные черты в керамике, погребальном обряде, комплексах украшений. Их общей чертой является довольно сильная смешанность населения, что устанавливается по наличию почти в каждом районе смешанных комплексов и прежде всего керамики.

Одним из центральных вопросов в изучении культур Прикамья I тысячелетия является проблема происхождения пришлого населения, уже неоднократно поднимавшаяся в нашей литературе,

А. П. Смирнов (1952, 1957), а вслед за ним и ряд других археологов (Ахмеров, 1949, 1951, 1955; Мажитов, 1959) упорно отстаивают точку зрения о приходе в Прикамье сармато-аланских племен, а в Нижнее Прикамье и Среднее Поволжье позднегородских (А. Смирнов, 1951, стр. 12 и сл.). Другая группа исследователей склоняется к мнению о восточном, зауральском происхождении вновь пришедших племен (Шмидт, 1929; Бадер и Оборин, 1958; Генинг, 1958, 1959). Последний взгляд получил в новых исследованиях достаточно веские доказательства.

Продвижение южных групп степного и лесостепного населения в северные районы, тем более лесные, невозможно представить себе без нажима извне. Проникновение к северу алано-сарматов, типичных кочевников степей, должно было привести к полной смене всех форм хозяйства, поскольку немыслимо существование кочевого скотоводства в окружении лесов. В Прикамье же, как увидим ниже, появилось оседлое население, прекрасно знакомое не только со скотоводством, но и с высокоразвитым земледелием.

Культуры, развивающиеся в Прикамье с III в. н. э., не имеют близких аналогий в сармато-аланских памятниках ни в керамике, ни в погребальном обряде (могилы с подбоями, диагональные, с каменной обкладкой и т. д.).

Продвижение сармато-аланов к северу исключено также потому, что развитие новых культур в Прикамье с III в. н. э. хронологически совпадает с тем периодом, когда сармато-аланы обитали на своих прежних территориях (позднесарматский этап — II—IV вв. н. э.). Последнее достаточно хорошо подтверждается наличием одних и тех же типов вещей как на юге (Агаповка, Бис-оба и др.), так и на севере (харинские, азелинские и тураевские комплексы).

Развитие культур раннего средневековья Прикамья начинается до того времени, когда сармато-аланы после разгрома гуннами (конец IV в.) должны были покинуть свои исконные земли.

Утверждение о проникновении сармато-аланов в Прикамье основывается на факте бытования в этих областях вещей (главным образом украшений) тех типов, которые имели весьма широкий ареал распространения, выходящий далеко за пределы рассматриваемых районов. Подобные вещи не могут служить эталоном в определении этнической принадлежности каких бы то ни было групп древнего населения.

Какие же черты роднят прикамское население культур раннего средневековья с зауральским и сибирским населением?

Здесь следует рассматривать те стороны культуры, которые в первую очередь служат этническими признаками, и прежде всего керамику и погребальный обряд.

Керамика бахмутинского типа (сосуды с беспорядочными ямочными наколами) имеет самые близкие аналогии в памятниках эпохи раннего железа и более позднего времени лесостепных районов Западной Сибири (бассейн р. Омь). Сосуды кушнаренковского типа с тонким изящным орнаментом и вытянутым туловом находят ближайшие аналогии в комплексах среднего горизон-

та городища Большой Лог у г. Омска (Чернецов, 1951, рис. 280), Перейминского могильника у г. Тюмени (Чернецов, 1957, табл. XIV), Саргатских курганов (Левашова, 1948) и, наконец, в некоторых сосудах фоминского этапа на Верхней Оби (Грязнов, 1956 а, табл. 1—19, 20, 28 и др.).

Резная орнаментация сосудов из Кушнаренокского района сходна с поздними вариантами орнамента сосудов культур типа городища Чудаки.

Сложнее решить вопрос о происхождении плоскодонной керамики, широко распространенной по южной окраине прикамских культур III—V вв. Исконное прикамское население, как известно, употребляло всегда чашевидные сосуды.

Плоскодонная керамика, как правило, не имеет орнамента, а горшковидная форма (Генинг, 1960) настолько широко распространена, что отождествлять ее с каким-либо этносом пока рискованно. Однако и для этого типа керамики нельзя исключить сибирское происхождение, особенно если учесть, что она постоянно встречается совместно с описанной выше круглодонной керамикой. Плоскодонные сосуды известны из городища Большой Лог (Чернецов и Мошинская, 1951) жертвенного места Сузгун II (Мошинская, 1957, табл. II—3), а также районов Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1959) и Верхней Оби (Грязнов, 1956 а, табл. —30).

Одним из наиболее ярких проявлений культуры пришлых племен является курганный обряд захоронения. Для лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири это самый обычный прием, существовавший здесь еще с эпохи бронзы. В некоторых случаях удалось уже проследить полное тождество прикамских и зауральских конструкций внутримогильных сооружений как, например, харинских срубов (Генинг, 1959, стр. 186, 1959 з; Чернецов, 1957, стр. 164).

В Кушнаренокском могильнике многие могильные ямы у дна имели невысокие заплечики и ниши — подбои в изголовье. Аналогичное устройство ям зафиксировано в погребениях Больше-Тарханского могильника VII—IX вв. на р. Волге, который оставлен раннеболгарским населением. Погребения с низкими заплечиками весьма редкое явление. Аналогии к ним нами обнаружены лишь в памятниках середины I тыс. на р. Иртыше в пределах Павлодарской области (Агеева, Максимова, 1959), а также Центрального Казахстана (Кадырбаев, 1959 а, стр. 180).

Дальнейшие исследования памятников Зауралья и Сибири, надо полагать, еще пополнят как эти, так и другие аналогии погребального обряда.

Оригинальный обряд трупосожжения, вскрытый наиболее полно на Рождественском могильнике именковской культуры (Генинг, 1960) и встреченный в Кушнаренокском могильнике на р. Белой, также не чужд культурам Зауралья и Сибири. Трупосожжения встречаются в курганах времени городища Чудаки (Сальников, 1952 а) и в грунтовых погребениях Верхней Оби (Грязнов, 1956 а, стр. 127). Интересно, что в последних сожжения появляются вместе с керамикой, близкой по типу кушнаренокской

а также плоскодонной — типа именьковской. Это липший раз подтверждает, что комплексы фоминского этапа на Верхней Оби относятся к III—V вв., а не VII—VIII вв. (Грязнов, 1956 а, стр. 133).

В прикамских культурах III—VIII вв. широко распространен обычай помещать в могилы части туши коня — голову, ноги и хвост, но никогда не встречаются части тушки барана, что столь обычно для сармато-алан, в том числе и на самом позднем этапе их развития. В Центральном Казахстане обряд захоронения частей коня зафиксирован уже в памятниках V—III вв. до н. э. (Кадырбаев, 1959, стр. 7; 1959 а, стр. 180).

В Южном Прикамье в III—V вв. повсеместно появляются жилища в виде четырехугольных полуземлянок (Генинг, 1960), которые не характерны для сармато-аланов и местного прикамского населения, но весьма типичны для племен зауральской и сибирской лесостепи.

Наконец, многие украшения Прикамья имеют типично сибирские композиции и мотивы. Таковы многочисленные и разнообразные зооморфные подвески, а также височные подвески в виде замкнутого кольца и напускной бусины на стержне (Генинг, 1958, рис. 32—I; Синяев, 1950, рис. 5—10).

Все приведенные аналогии убедительно свидетельствуют о зауральско-сибирском происхождении племен, проникших в III веке в Западное Приуралье. Вполне естественно, что возникает вопрос, какие силы привели в движение эти огромные массы зауральско-сибирского населения.

Рассматривая общую политическую ситуацию, сложившуюся в Центральной и Средней Азии в первых веках нашей эры, легко убедиться в том, что наиболее грозную силу, приведшую в движение многие племена, представлял в то время кочевой союз гуннов (Бернштам, 1951). В результате продвижения гуннских орд и других, увлекаемых ими племен в Среднюю Азию и Казахстан, а затем, вероятно, и в Западную Сибирь, местное зауральско-сибирское население было вынуждено покинуть свои древние обжитые земли и искать убежища в новых местах — Западном Приуралье и, по всей вероятности, северных районах Зауралья и Западной Сибири.

Прикамские культуры эпохи среднего железа по погребальному обряду, керамике и комплексу украшений можно разделить на три культурные общности, что в известной мере отражает этническую принадлежность населения этих культур и некоторые различия в хозяйстве и быте.

Северную группу составляют ломоватовская, поломская и азелинская культуры, в которых достаточно хорошо прослеживаются местные прикамские традиции. Это, безусловно, пермское население. Ломоватовская культура лежит в основе развития культуры коми-пермяцкого народа, поломская — удмуртского. Вопрос о дальнейшей судьбе азелинского населения после V в. н. э. на имеющихся материалах не может быть решен (Генинг, 1959).

Центральная группа находится в Камско-Бельско-Уфимском междуречье. В нее входят мазунинская, среднекамская, бахму-

тинская и отчасти кушнаренковская культуры, характеризующиеся круглодонной керамикой и грунтовыми могильниками.

Южную группу, для которой типична плоскодонная керамика, грунтовые или курганные могильники, труположение или трупосожжение составляют именьковская, тураевская, салиховская и отчасти кушнаренковская культуры.

Пришлые племена с круглодонной керамикой, имеющей аналогии в Западной Сибири и Зауралье, можно, с определенной долей вероятности, считать угорскими, поскольку Зауральско-сибирская лесостепь, по мнению большинства исследователей, являлась колыбелью формирования угров.

Определение этнической принадлежности культур плоскодонной керамики трудно, но не безнадежно.

Угорское население Южного Прикамья следует увязывать с древнемадьярскими группами. Об этом в первую очередь свидетельствуют письменные источники, еще в XIII в. называющие Башкирию Великой Венгрией (Рубрук). По венгерским хроникам XIII века известно, что население низовьев реки Белой говорило на языке, вполне понятном венгерскому монаху Юлиану. Кроме того, в среде башкир сохранилось немало родоплеменных названий, аналогичных названиям венгерских племен периода их прихода на Дунай в IX веке. Однако известно также, что в венгерском союзе эпохи переселения на запад собственно мадьярско-угорские племена находились в меньшинстве. Основное ядро союза (пять племен из семи) составляли тюрки (Мольнар, 1955, стр. 97). Это смещение произошло задолго до похода венгров на Дунай. Уместно также вспомнить, что арабские авторы VIII—IX вв. упорно причисляют венгров к тюркским народам.

В свете изложенного правомерно считать население Южного Прикамья, для которого характерна плоскодонная керамика, древнетюркским.

Необходимо, хотя бы кратко, остановиться на вопросе о развитии хозяйства пришлых племен Прикамья. Все археологические материалы свидетельствуют о том, что перед нами оседлое население с высокоразвитым скотоводческо-земледельческим хозяйством. Поселения с мощными культурными слоями и полуземлянками говорят о прочной оседлости. Об этом же свидетельствует состав стада домашних животных, где свинья занимает второе место после лошади (Попов и Кулаева, 1956). Наконец, на высокоразвитое земледелие указывают такие, правда, пока еще немногочисленные находки в памятниках III—V вв., как железные серпы, косы, ральники и каменные жернова.

Не менее значительны были и изменения в общественной организации того времени, что достаточно полно изучено по материалам Прикамья.

Культуры III—IX вв. относятся к периоду военной демократии или первобытной соседской общины, последней ступени развития первобытнообщинного строя. Как известно, в отношении названия этой эпохи существуют еще некоторые разногласия, но ее характерные черты определены советскими историками достаточно чет-

ко (Косвен, 1952; Першиц, 1953, 1960). Отметим лишь те из них, которые позволяют проследить начало развития данного периода по археологическим материалам.

Одним из главных признаков наступления новой эпохи является распад рода как единого хозяйственного коллектива и обособление хозяйств патриархальных больших семей, которые часто уже образуют отдельные поселения.

К. Маркс, характеризуя этот период, подчеркивает, что в такой общине «дом и его придаток — двор были частным владением землевладельца. Общий дом и коллективное жилище были, наоборот, экономической основой более древних общин»¹. К. Маркс находил такой вид общины у германцев времени Тацита и называл ее земледельческой. Ф. Энгельс этот же период в истории германцев называет временем патриархальной домашней общины².

При раскопках Зародятского селища середины I тыс. н. э. в Верхнем Прикамье открыт поселок, в котором при каждом большом жилище (11 x 5) находятся все хозяйственные сооружения — хлев, сарай и проч. постройки (Генинг, 1959, рис. 16). Очевидно, в этом случае перед нами предстает тот тип планировки построек, который К. Маркс определяет как «дом и его придаток — двор». «Земледельческая община, — заключает К. Маркс, — будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»³.

В эпоху первобытной соседской общины в составе патриархальной домашней общины формируется малая семья. На примере ряда прикамских могильников видно, как обособляются большие патриархальные семьи, а в азелинских могильниках уже появляются своеобразные земляные склепы с захоронениями членов малой семьи.

Для эпохи военной демократии характерно выдвижение персональной власти военных вождей племен. В могильниках I тысячелетия захоронения с богатым вооружением — обычное явление, а такой памятник, как Тураевский курганный могильник, где погребены исключительно военачальники, особенно наглядно иллюстрирует новые процессы в развитии прикамского общества (Генинг, 1961).

* * *

В Зауралье лишь для Нижнего Приобья проделана работа по первичной систематизации археологического материала I тысячелетия. В развитии нижнеобской культуры В. Н. Чернецов (1957) намечает три этапа: ярсалинский (II—III вв. н. э.), карымский

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. XXVII, 1935, стр. 694.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 135.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. XXVII, 1935, стр. 695.

(IV—V вв.) и оронтурский (VI—IX вв.), причем нижнеобская культура рассматривается как древнехантыйская, которая «в главных чертах сложилась около рубежа нашей эры на основе устьелуйской». «В дальнейшем на протяжении почти целого тысячелетия ее развитие не нарушалось никакими заметными посторонними воздействиями» (Чернецов, 1957, стр. 238).

В свете западноуральских материалов такой вывод в отношении хронологических рубежей данного процесса представляется маловероятным.

Работы по археологии Нижнего Приобья должны уточнить и проверить положения, выдвинутые в первой сводке.

В Южном Зауралье К. В. Сальниковым (1956) описана группа городищ середины I тысячелетия. Однако выделение их в особую бакальскую культуру следует считать пока предварительным, так как оно основано лишь на разведочных материалах.

В Среднем Зауралье к середине I тысячелетия определенно относятся одно погребение Калмацкого Брода (Дмитриев, 1934) и ранняя группа погребений Аятского могильника, исследованного Е. М. Берс. По материалу, особенно керамике, эти памятники близки харинскому этапу ломоватовской культуры, хотя, безусловно, должны быть отнесены к иной археологической культуре.

Фронтальные исследования памятников I тысячелетия в Зауралье и Западной Сибири — одна из первоочередных задач уральской археологии.

3

Поздний железный век Урала (IX—XV вв.) изучен еще более неравномерно, чем предшествующие периоды.

Систематические исследования проводились только в Верхнем Прикамье, где М. В. Талицким выделена родановская культура, принадлежавшая предкам коми-пермяцкого народа (1951). В дальнейшем эта культура на протяжении многих лет изучалась В. А. Обориным (1956), который собрал значительный новый материал и полностью подтвердил выводы М. В. Талицкого на новом обширном материале.

Небольшие работы произведены также по изучению чепецкой культуры, принадлежавшей предкам удмуртского народа. Первые памятники этой культуры исследовали еще в 20—30 гг. А. П. Смирнов (1929, 1952) и Г. С. Матвеев (1928).

Разведочные работы на западном склоне Среднего Урала позволили выделить здесь область распространения сылвинской культуры, связанной с какой-то группой угорских племен, возможно, вогульской (Бадер и Оборин, 1958).

Районы нижнего течения р. Оби входили в ареал древнехантыйской культуры кинтусовского этапа (Чернецов, 1957).

В Западной Сибири также известно несколько памятников позднего периода эпохи железа (Левашова, 1928), не подвергавшихся, однако, систематическим исследованиям. Столь же слабо изучены районы степей Южного Урала и лесостепи Западного Приуралья.

В хозяйстве населения позднего периода эпохи железа происходят крупные изменения. Стенная зона по-прежнему остается районом расселения племен с кочевым скотоводством. В Западном Приуралье население лесостепей, видимо, также переходит к кочевому скотоводству. Только этим можно объяснить отсутствие постоянных поселений IX—XV вв. в бассейне р. Белой, где ранее жило оседлое население, в основе хозяйства которого лежало пастушеское скотоводство. Немалую роль в переходе к кочевому образу жизни сыграло, вероятно, проникновение в местную среду значительных групп тюркоязычных кочевников (кыпчаки, тухмены, киргизы и др. родоплеменные группы в составе башкирского народа).

В южной полосе лесной зоны (родановская, сылвинская, чепецкая культуры), а также, вероятно, и в прилегающих районах лесостепи, ведущей отраслью хозяйства становится земледелие, постепенно переходящее от мотыжной формы к пашенной. Для чепецкой культуры этот процесс относится к IX—XII вв., для родановской — к несколько более позднему времени (Оборин, 1956). Племена северных районов по-прежнему сохраняют охотничье-рыболовческое хозяйство и заимствуют у продвинувшихся в тундру самоедских племен оленеводство (Чернецов, 1957, стр. 241).

С изменениями в хозяйстве неразрывно связаны изменения общественной организации.

Распространение пашенного земледелия привело к распаду хозяйства патриархальной большой семьи. Повсюду обособляются хозяйства малой моногамной семьи, что подтверждается размерами жилищ, не превышающими площадь 20—25 кв. м. В чепецкой и сылвинской культурах жилища такого типа появляются уже к X—IX вв., в родановской — к XII в. (Оборин, 1956).

Предстоит еще решить вопрос, была ли новая община классическим примером сельской, «в которой пахотная земля является частной собственностью землевладельца, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще общей собственностью»¹, или мы встречаемся здесь с каким-то своеобразным локальным проявлением общественной организации. Однако не подлежит сомнению, что в X—XII вв. в структуре местного общества происходят те изменения, которые знаменуют собой начало развития новой феодальной эпохи. С этого времени мы имеем дело с прочной моногамной семьей и ее частным хозяйством. В Верхнем Прикамье в XIV—XV вв. (родановская культура) появляются зачатки государственности (Пермь Великая), а в русских летописях неоднократно упоминаются князья угорского населения Зауралья (Бахрушин, 1935, стр. 34 и сл.).

Однако специфика структуры раннефеодального общества у различных уральских народов должна быть предметом специального исследования. На эту проблему необходимо обратить особое внимание, используя для ее изучения как археологические, так и письменные источники.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. XXVII, 1935, стр. 693.